

На правах рукописи

ЕРабин

Рабинович Евгений Ильич

**СОН И СНОВИДЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-БУДДИЙСКОГО
РЕГИОНА)**

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

9 июня 2011

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена на кафедре культурологии и социально-культурной деятельности ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Кемерова Татьяна Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор Князев Валентин Михайлович

кандидат философских наук, профессор Коновалова Надежда Петровна

Ведущая организация: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Защита состоится 21 июня 2011 г. в 15:30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.08 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «20» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор социологических наук,
профессор

Л. С. Лихачёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Время сна не вычеркнуто из жизни, но оказывает определённое влияние на бытие человека в состоянии бодрствования. Сновидения шаманов становились истоком мифологической картины мира, из сновидений пророков возникали новые религии, а сновидения правителей объявлялись причиной изменения формы правления. Феномен сна и сновидений как объект исследования гуманитарных наук долгое время испытывал недостаток в академической репрезентабельности. В последние десятилетия ситуация изменилась и изучение культуры при игнорировании изучения такого аспекта человеческого существования как сон не представляется возможным.

В различных гуманитарных науках сформировалось представление о сновидении не только как индивидуально-психологическом, но и как культурном феномене, что позволяет сделать его объектом культурологических исследований. Проводятся многочисленные конференции, посвящённые различным социокультурным аспектам сна и сновидений, появляются сборники работ, посвящённых антропологии сновидений. Выходят в свет монографии о роли сновидений в различных культурах, предлагаются различные подходы к решению этой проблемы. При этом существующие исследования сна и сновидений показывают ограниченную и лишённую целостности картину.

В культурах Запада со второй половины XX в. наблюдается новый всплеск тяги к иррациональному, показывающий условность западного рационального проекта. В условиях разрушения традиционных форм религиозности и сохранения тяги к сверхъестественному сновидение, как наиболее доступный инструмент выхода за пределы обыденного, оказывается востребованным современными культурами. При этом в представлениях многих современных людей о природе сновидений фиксируются чрезвычайно архаические элементы.

Исследование феномена сна и сновидений в контексте культуры северо-буддийского региона представляется нам актуальным в силу ряда причин.

Во-первых, это широкое распространение тибетской формы буддизма в современных России, Европе и Америке, где буддизм становится третьей по распространённости конфессией. Буддийское учение распространяется и в традиционно иноконфессиональных регионах Российской Федерации, а во всех крупных городах существуют буддийские общины. Большинство западных исследователей широко

пользуются такими терминами как «новый буддизм», «европейский буддизм», считая, что уже можно говорить о принципиально новой форме буддизма, появившейся в связи с процессом модернизации аутентичной традиции в контексте европейской культуры. Актуальность культурологических исследований буддологической направленности связана с необходимостью понять изменения, которые претерпевает западная иудео-христианская ментальность.

Во-вторых, следует отметить, что указанное направление исследований особенно актуально для отечественной науки, поскольку в ряде регионов Российской Федерации тибетский вариант буддизма является традиционной формой религии. В настоящее время на территории России насчитывается около миллиона последователей буддизма, большинство из которых проживает на территориях его исторического распространения – в Бурятии, Калмыкии и Тыве, где с начала 1990-х гг. происходит возрождение традиционных форм религиозности. Отечественная наука преимущественно сосредоточена на исследовании буддийской философии, логики, теории познания, вследствие чего сфера повседневности и обыденных представлений буддистов должна быть признана недостаточно изученной.

Степень разработанности проблемы

Исследования античной практики инкубации историками и филологами можно признать началом научного изучения «антропологии сновидений». Ранние исследователи изучали преимущественно сновидения в античных и ветхозаветных текстах. Из российских исследователей конца XIX в. следует назвать С. Жебелева и П. Светлова. Изучение сновидений в ветхозаветных текстах, получило логическое продолжение в изучении места сновидений в текстах Древнего Востока и Античности. В работах L. Oppenheim, T. Якобсена, Э. Доддса, И. В. Большакова, Д. О. Молок, И. А. Протопоповой выявлена политическая роль сновидений в этих сообществах.

Работы, посвящённые народным представлениям о сновидениях, появляются в Европе в связи пробуждением интереса к народной культуре в XIX в. и носят описательный характер. Начиная с 1880-х гг. публикуются написанные в том же ключе работы отечественных исследователей, таких как М. А. Колсов, Е. Р. Романова, А. Балов, Н. Попов, Д. Зеленин. Среди наиболее интересных современных исследований этого направления, преодолевающих традиционный описательный подход, следует назвать работы А. А. Панченко, Т. А. Молдановой, М. Л. Лурье, С. М. Толстой, Н. И. Толстого, Е. В. Сафонова. Интересный проект компаративистского подхода к изучению сновидений был реализован Институтом славяноведения РАН и центром академи-

ческой иудаики в 2006 году - были представлены славянская и еврейская народная традиции в сравнительном аспекте отношения к сновидениям.

Российские этнографы так или иначе обращались к теме сновидений в культурах «сибирских инородцев» ещё в XIX веке. Следует выделить С. С. Шашкова, Л. Я. Штернберга, П. П. Шимкевича, в работах которых фиксировались сновидения шаманов. Итог этим исследованием был подведён в обобщающей работе М. Элиадс. Из современных полевых исследователей, работающих в этом ключе, следует отметить работы А. В. Смоляк, В. Я. Бутанаева, В. А. Бурнакова.

Начало изучения сновидений в антропологическом ключе, как попытка анализа этнографических данных и приведение их в единую стройную схему, связано с работами Дж. Фрезера и Э. Б. Тайлора, которые видели в рефлексии «дикаря» над феноменом сновидений ключ к решению проблемы культурогенеза.

В своём исследовании сновидений в культуре жителей Тробрианских островов Б. Малиновский применил разработанный им «функциональный метод», показав связь сновидений туземцев с социальной структурой их сообщества и брачными отношениями. Этот подход разрабатывался такими полевыми антропологами как R. Lohmann, J. Robbins, P. Steward.

Работа З. Фрейда «Толкование сновидений» оказала огромное влияние на все последующие исследования феномена сновидений. Фрейд рассматривал сновидения как выражение замаскированных бессознательных желаний, искаженных цензурой сознания. В психоаналитическом ключе работали такие полевые антропологи как M. Opler, G. Roheim, Ch. Seligman, A. Wallace, D. Eggan, отчасти W. Kracke, выступивший с рядом возражений против слишком прямолинейного психоаналитического подхода. Большинство исследователей сна выбрали фрейдистский путь анализа, некоторые, последовали за К. Г. Юнгом.

Первую объёмную антропологическую работу о значении снов в различных мировых сообществах опубликовал Дж. С. Линкольн (J. S. Lincoln, 1935). Линкольн ввёл понятие «культурно обусловленные сны» (*culture pattern dreams*), которое подразумевает, что люди видят сны в пределах образца, заданного культурой. Теория Линкольна о культурной обусловленности сновидений может стать отправной точкой для культурологических исследований феномена сна и сновидений в различных сообществах. Продолжением теоретических разработок Линкольна является подход Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, согласно которому содержание сновидений представителя определённой культуры будет обусловлено набором представлений данной культуры,

либо стереотипные образы возникнут не в самих снах, но в процессе их припоминания, осмыслиения и рассказывания.

К концу 1940-х - началу 1950-х гг. антропологи начали собирать коллекции сновидений, переросшие затем в банки данных. В 1950 - 1960-е гг. предпринимались попытки кросскультурного количественного анализа образов сновидений. В 1970-е гг. появились работы, выполненные в структуралистском ключе. В 1980-е - 1990 -е гг. антропологи - исследователи сна стали обращать особенное внимание на различия между отчётом о сне и самими снами.

С 1990 -х гг. и до настоящего времени наблюдается растущий интерес к исследованиям, сфокусированным на диалоге с субъектом исследования. В работах B. Tedlock, D. Tedlock, L. N. Degarrod, A. A. Ярлыковой и других, теории сна и системы толкований изучаются как сложные психодинамические коммуникативные события.

Феномен сна и сновидений в культуре северо-буддийского региона следует признать слабо изученным. Косвенно эту тему затрагивали в своих работах W. Y. Evans-Wentz (1935), G. Tucci (1932-1941), H. Guenhter (1975), Г. Мулина (1997), R. de Nebesky-Wojkowitz (1956), R. Stein (1972), J. Sharma, S. Lee, M. Aris (1989), D. Germano; J. Gyatso (2000), D. Cousens (2002), R. Davidson (2005), A. Doctor (2005), M. Kapstein (2005), D. Rossi (2008).

Работы, посвященные непосредственно представлениям о сновидениях в тибетской культуре, немногочисленны. А. Вейман (A. Wayman, 1984) в своей статье рассматривает теории природы сна и сновидений в буддизме. С. Янг (S. Young, 1990) в диссертации «Сновидения в индо-тибетских буддийских житиях» анализирует две индийские и две тибетские буддийские агиографии, показывая преемственность данных традиций. Последней по времени является работа А. Сумеги (A. Sumegi, 2008), посвящённая сравнению места сновидений в шаманизме и тибетском буддизме.

В отечественной науке исследуемые нами вопросы практически не поднимались.

Решение поставленной в диссертационном исследовании проблемы опирается на широкий круг источников разного характера, которые условно можно разделить на несколько групп.

В первую очередь решение поставленных задач потребовало обращения к полевым материалам отечественных этнографов и западных антропологов, фиксирующих рассказы о сновидениях представителей традиционных сообществ. Наиболее значимы для нас работы Л. Я. Штернберга, П. П. Шимкевича, А. В. Смоляк, В. Я. Бутанаева, В. А. Бурнакова, Б. Малиновского, B. Tedlock, R. Lohmann.

Ко второй группе источников относятся тибетские хроники, исторические сочинения и работы отечественных и западных исследователей истории и культуры тибетского и монгольского народов. Наиболее значимы исследования таких авторов, как Ф. И. Щербатской, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, А. И. Востриков, Н. Л. Жуковская, Н. В. Абаев, Е. А. Торчинов, Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий, Т. Д. Скрынникова, Ш. Бира, К. М. Герасимова, Дж. Туччи, А. Wayman, R. de Nebesky-Wojkowitz, R. Stein, R. Davidson.

Наконец, принципиально важным источником для понимания места и функций сновидений в традиционной тибето-буддийской культуре стали жития святых и исследования литературы этого жанра, в первую очередь работы А. И. Вострикова, Л. С. Савицкого, Н. В. Цыремпилова, M. Kapstein, D. Rossi, J. Gyatso, S. Young.

Объект исследования – сон и сновидение как феномен культуры.

Предмет исследования – роль феномена сна и сновидений в культуре северо-буддийского региона.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования – выявить социокультурную обусловленность и систему функциональных значений феномена сна и сновидений в традиционной культуре на примере северо-буддийской культурной общности (Тибет, Монголия, Бурятия). В соответствии с логикой достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать эвристический потенциал методологических подходов к изучению феномена сна и сновидений в науках о культуре.
2. Выявить генезис, ключевые факторы формирования и развитие представлений о сакральной природе сновидений в традиционных культурах.
3. Выявить культурную модель сновидений как детерминирующую индивидуально-психологический опыт замкнутую систему, нацеленную на поддержание традиции.
4. Выявить, систематизировать и описать культурные функции феномена сна и сновидений в традиционных культурах.
5. Выявить роль сна и сновидений в тибетской культуре как механизма внедрения новаций.
6. Определить основные функции сна и сновидений в традиционной тибетской культуре, проанализировав место сновидений в агиографических сочинениях и структуре ритуала.
7. Раскрыть специфику культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм, как локальной субтрадиции в рамках тибето-буддийской культурной общности.

Хронологические рамки основной части работы охватывают период с VIII века (время начала формирования тибетского буддизма) до наших дней (полевые исследования автора в Бурятии и Монголии, 2009 г.). Поскольку для понимания происхождения религиозных представлений, бытующих в северо-буддийском регионе, необходимо обращение к древнеиндийским сочинениям, то хронологические рамки работы не ограничены жёстко.

Теоретико-методологическая база исследования

Работа опирается на методологию комплексного анализа, которая подразумевает обращение к методам разных наук (культурологии, этнографии, социологии, истории, религиоведения) с целью более глубокого проникновения в сущность исследуемого феномена и получения максимально полного знания о нем. Наиболее значимыми для данного исследования являются следующие методы и подходы:

- системный подход, дающий возможность рассмотреть сон и сновидения как культурный феномен в его целостности и вместе с тем проанализировать составляющие ее элементы и характер их взаимосвязи;
- феноменологический подход, позволяющий проанализировать сон и сновидения как феномен, воспринимаемый как непосредственно данная реальность, использован нами при проведении полевых исследований в Республике Бурятия и Монголии.
- семиотический подход, необходимый для выявления семантики элементов, закодированных в сообщениях о сновидениях, а также поиска закономерностей структурирования, интерпретации и унификации процесса перевода образов сновидений в культурный текст.
- культурантропологический подход, дающий возможность рассмотреть особенности культурной модели сновидений и установить её влияние на содержание и презентацию индивидуально-психологического опыта носителя культуры;
- сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить генезис и развитие представлений о природе сна и сновидений в разные культурно-исторические периоды;

Относительно методологических принципов исследования следует также отметить, что автор не занимается психофизиологической стороной сна и сновидений. В контексте представленного исследования нас не интересует вопрос подлинности сновидческого опыта, зафиксированного в изучаемых нами текстах. Мы следуем подходу к изучению «культуры сновидений», предложенному в работах Ю. М. Лотмана, Б. А. Успенского, D. Shulman, G. Stroumsa (1999). Согласно данному подходу, содержание сновидений представителя определён-

ной культуры будет обусловлено набором представлений данной культуры. Наше исследование сосредоточено на сновидениях, зафиксированных в текстах и всегда интерпретируемых в определённом культурном контексте, обусловленных фиксированными культурными нормами, ценностями и традициями. При исследовании культуры сновидений мы следуем подходу, разработанному Н. В. Абаевым, где термин «культура» понимается в специфическом смысле, как «культура психической деятельности». Исследуя культурные функции сновидений в традиционных сообществах, мы используем функциональный метод, представленный в работах Б. Малиновского.

В нашей работе придерживаемся традиции, согласно которой северо-буддийским называют регион, в котором доминирующей формой религии является тибетский вариант буддизма (т. н. северный буддизм). В изучаемый регион входят, помимо собственно исторического Тибета (ныне ТАР КНР), Бутан, Монголия, Автономный район Внутренняя Монголия (КНР), а также традиционно буддийские регионы Российской Федерации: Республики Бурятия, Тыва и Калмыкия. Временные рамки существования северо-буддийской культурной общности охватывают более двенадцати веков: с VIII века до наших дней.

Научная новизна исследования

Новизна работы заключается, прежде всего, в самой постановке проблемы. Данное исследование представляет собой одну из первых в отечественной науке попыток выработать комплексный подход к анализу сна и сновидений как феномена культуры и применить его при исследовании северо-буддийской культурной общности.

- Предложена и обоснована гипотеза происхождения и развития представлений о сакральной природе сновидений.
- Выявлен механизм функционирования культурной модели сновидений как детерминирующей индивидуально-психологический опыт замкнутой системе, нацеленной на поддержание традиции и одновременно являющейся возможным источником её обновления.
- Выявлены, систематизированы и описаны основные культурные функции феномена сна и сновидений в традиционных культурах. Предложена схема анализа роли и функций сновидений в культуре.
- Продемонстрированы возможности предложенного подхода на примере анализа значения феномена сна и сновидений в северо-буддийской культурной общности.
- Определены основные функции сна и сновидений в традиционной тибетской культуре на основании анализа сновидений в структуре агиографических сочинений и структуре ритуала. Раскрыта клю-

чевая роль сна и сновидений в тибетской культуре как механизма внедрения новаций.

– Раскрыта специфика культуры сновидений монгольских народов, исповедующих буддизм, как локальной субтрадиции в рамках тибето-буддийской культурной общности.

– Впервые введены в научный оборот новые материалы, полученные в ходе полевых исследований на территории Монголии и Республики Бурятия в 2007 и 2009 гг.

Основные положения, выносимые на защиту

1. В гуманитарных науках сформировалось представление о сновидении не только как индивидуально-психологическом, но и культурном феномене, что позволяет сделать его объектом культурологических исследований. Сны культурно обусловлены, а наши суждения о сновидениях опосредованы тем культурным языком, которым мы пользуемся. Концепция «культурной модели сновидений», подразумевающая, что люди видят сны в пределах образца, заданного культурой, может стать методологической основой изучения сновидений как феномена культуры.

2. Представление о сакральности сновидений, универсальное для большинства традиционных культур, имеет основание в понимании состояния сна как пространства коммуникации с миром мёртвых, претерпевающем следующую эволюцию: *мир мёртвых → мир предков → мир первопредков → мир духов → мир богов*. Важность, придаваемая снам, в первую очередь обусловлена потребностью в прогнозировании будущего (в ситуации невозможности применения рациональных методов), основанной на приписывании умершим способности знать будущее.

3. В традиционных сообществах значимость сновидения напрямую соотносится с социальным статусом сновидца. Сновидения здесь обусловлены «культурной моделью сновидений», детерминирующей индивидуально-психологический опыт и представляющей собой замкнутую систему, нацеленную на поддержание традиции. Сильной стороной этой системы является возможность внедрения новаций на основании культа сновидений, что позволяет отвечать на вызовы времени, используя традиционные способы передачи опыта.

4. Понимаемый как средство коммуникации с пространством сакрального, существующий в согласии с предписанной ему культурной моделью, феномен сна и сновидений выполняет в традиционном сообществе ряд значимых культурных функций, таких как (1) прогностическая, (2) инновационная, (3) легитимирующая или сакрализующая функции.

5. Важнейшая функция сна и сновидений в условиях консервативной тибетской культуры – использование сновидений как метода законного, социально-приемлемого внедрения новаций. Открытие новых учений в снах и видениях получило широчайшее распространение, став своеобразным методом саморегуляции декларируемо консервативной тибетской культуры.

6. Анализ сновидений в тибето-буддийских агиографических сочинениях показывает, что включение сновидений в житийные сочинения выполняет функцию подтверждения подлинности внедрённых героями жития новаций, становясь методом их легитимации. В условиях слияния религиозной и политической власти в Тибете сновидения служили важным инструментом политической борьбы.

7. Анализ структуры ритуала обретения вещих сновидений в буддийском тантризме доказывает, что данный ритуал структурно повторяет древнеиндийский погребальный обряд. На уровне ритуала источником вещих снов полагается мир мёртвых, что отражает древнейшие представления о природе сна.

8. Представления о природе сне и сновидений в культуре монгольских народов, исповедующих буддизм, в целом обусловлено тибетскими влияниями и может быть признано локальной субтрадицией в рамках тибето-буддийской культурной общности. Это позволяет нам говорить о единой северо-буддийской культуре сна и сновидения, в которой тибетская форма буддизма является главным структурообразующим элементом. Специфическим в локальной культуре сновидений монгольских народов, является влияние традиций центральноазиатского шаманизма.

Научно-практическая значимость исследования

Разработанная в диссертации концепция анализа сна и сновидений как феномена культуры может служить методологической основой дальнейших культурологических исследований феномена сна и сновидений в приложении к конкретным культурным общностям. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при чтении курсов «Теория культуры», «История культуры», «Культурная антропология», а также при разработке специальных курсов по культуре стран буддийского региона, таких как «История и культура северо-буддийского региона».

Апробация результатов исследования

Основные положения и выводы диссертационного исследования были апробированы в виде докладов на международной конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 2010), всероссийских научных конференциях мо-

лодых ученых «Человек в мире культуры» (Екатеринбург, 2008, 2009, 2010), Всероссийской научно-практической конференции «Философия в диалоге культур» (Элиста, 2009), Научно-практических конференциях «Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества» (Екатеринбург, 2008), «Китай: история и современность» (Екатеринбург, 2009), Научной конференции «Индия: история и культура» (Екатеринбург, 2009), Региональной научной конференции «Личность, общество, государство» (Екатеринбург, 2009). Материалы диссертации вошли в лекционный курс «История культуры», а также спецкурсы «История и культура северо-буддийского региона», «Буддизм и культура Индии», «Буддизм и культура Китая», читаемые автором на факультете искусствоведения и культурологии Уральского государственного университета им. А. М. Горького. По теме диссертационного исследования опубликовано 10 работ.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих 6 параграфов, заключения и библиографического списка, включающего 307 наименований, в том числе на иностранных языках – 83. Общий объем работы составляет 177 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснована актуальность избранной темы, дана оценка степени ее разработанности, определены цель, задачи, предмет и объект исследования, охарактеризована его теоретико-методологическая база, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В первой главе «Феномен сна и сновидений в традиционном обществе: культурологический подход к проблеме» обосновываются теоретико-методологические основы исследования, предлагается комплексный подход к анализу сна и сновидений как феномена культуры.

В первом параграфе «Эвристический потенциал современных методологических подходов к изучению феномена сна и сновидений в науках о культуре» автором анализируются все основные подходы, выработанные гуманитарными науками для изучения феномена сна. На основании проведенного анализа делается вывод, что в различных гуманитарных науках сформировалось представление о снови-

дении не только как индивидуально-психологическом, но и как культурном феномене, что позволяет сделать его объектом культурологических исследований.

Семиотический подход к изучению феномена сновидений в текстах культуры наиболее перспективен в методологическом плане для целого ряда гуманитарных наук. Именно этот подход наиболее часто и плодотворно используется в современных отечественных филологических и культурологических исследованиях текстов, содержащих описание сновидений. Данный подход исходит из посылки, что сны культурно обусловлены, а все наши суждения о сновидениях totally опорожнены тем культурным языком, которым мы пользуемся. Этот подход дополняют исследования Э. Доддса, согласно которым во многих традиционных сообществах существуют структуры снов, которые зависят от социально передаваемого образца верований, и прекращают появляться, когда это верование теряет поддержку. Не только выбор того или иного символа, но и природа самого сновидения, по-видимому, подчиняется жесткому традиционному стереотипу.

Автором отмечается перспективность для культурологических исследований функционального метода Б.Малиновского, согласно которому феномен сновидений, как любое другое культурное явление, необходимо объяснять на всех уровнях развития через их функцию, через ту роль, которую они играют внутри целостной системы культуры, через то, как они соотносятся друг с другом в рамках системы, и через то, как данная система соотносится с физическим окружением. Данный подход может быть применён не только при проведении полевых исследований, но и при работе с текстами. Обращаясь к эвристическому потенциалу классического психоаналитического подхода, автор приходит к выводу *его о применимости только в условиях длительных полевых исследований*, когда есть возможность фиксировать серии сновидений и ассоциации сновидцев. Для работы с письменными источниками данный подход представляется автору малоперспективным, поскольку предполагает непосредственное участие исследователя в отслеживании ассоциаций того, кто является источником сообщения о сновидении. Ещё меньшую ценность представляет данный метод при обращении к текстам исчезнувших сообществ. Вместе с тем, созданные под влиянием психоанализа работы Дж. С. Линкольна, дающие возможность применения социокультурного анализа сновидений, представляются перспективными для применения исследователями-культурологами. Идеи Линкольна о сновидении как одном из способов мышления и, следовательно, одном из способов организации знания, а также концепция «культурной модели сновидений», подразумевающая,

что люди видят сны в пределах образца, заданного культурой, могут стать методологической основой культурологических проектов изучения сновидения как культурного феномена.

Из новейших достижений американской школы культурной антропологии отмечается подход к рассмотрению феномена сновидений в социальном контексте (сновидение, рассказ о нём и пересказ рассматриваются как аспекты социальных ролей), а также акцент на различии отчёта о сне и самих снов (сообщение о сне как коммуникативное событие). Вместе с тем, как доказывает автор, при всём многообразии и перспективности подходов, выработка единого метода анализа, позволяющего показать место феномена сна и сновидений в рамках конкретной исторической культурной общности, находится в фазе становления. Предлагая возможную методологическую схему исследования места феномена сна и сновидений в конкретных исторических культурных общностях, автор рассматривает ее как возможность внести вклад в решение этой проблемы.

Во втором параграфе «Генезис, культурная модель и функции сна и сновидений в традиционных культурах» предлагается комплексный подход к анализу сна и сновидений как феномена традиционной культуры.

Приписывание сновидениям сакрального характера и пророческих свойств может быть признано универсальным для традиционных культур. По мнению автора, причиной этого является характерное для традиционных сообществ уподобление сна смерти, вероятно, на основании подобия телесных характеристик спящего и усопшего. Понимание сновидения для живых людей как пути в мир мёртвых и, напротив, сна как двери из мира мёртвых в мир живых – следует признать типичным. Пространство сна воспринимается как своеобразная зона контакта между этими мирами. Поскольку сон – дверь в мир мёртвых, он является также путём в мир предков.

Вероятно, до времени неолитической революции и перехода к земледелию между половым актом и рождением ребёнка не устанавливалась причинная связь. Реликты этих представлений зафиксированы в целом ряде этнографических отчётов, согласно которым души умерших стремятся вновь воплотиться на земле, для чего они могут вступать в контакт с будущей матерью во сне, поскольку сон – единственное место пересечения мира живых и мира мёртвых, доступное обычному человеку. Культ сновидений, вероятно, во многом возникает из-за ключевого положения занимаемого пространством сна в «круговороте душ», в поддерживающем жизнь процессе возрождении предков вноворожденных детях. Отолоском данных представлений следует при-

знать пророческие сны, которые посещают родителей незадолго до рождения необыкновенных детей, широко распространенные во всех мировых религиях. Таким образом, сновидение – это путь сообщения не только с миром предков, но и с миром первопредков – миром тотемов. Благодаря этому, культ сновидений сохранил свою значимость как средство коммуникации с миром предков и после трансформации представлений о природе деторождения, поскольку ощущение непосредственной связи с предками – основа существования человека в традиционном обществе.

Это позволяет предположить, что представления о сне как пространстве коммуникации с миром мёртвых со временем претерпели следующую эволюцию: *мир мёртвых* → *мир предков* → *мир первопредков (мир тотемов)* → *мир духов* → *мир богов*. Эволюционный характер данной схемы достаточно условен, поскольку ранние представления могут существовать с более поздними.

В традиционных сообществах фиксируются представление о том, что духи – это души умерших членов социума, обладавших при жизни высоким социальным статусом. Наиболее ярко связь пространства сна, мира предков и мира духов прослеживается на материалах, посвящённых сибирскому шаманизму. Призвание и инициация шамана традиционно происходят в его снах. После прохождения инициационных испытаний связь профессиональной деятельности шамана с состоянием сна окончательно не прерывается. Пространство, в котором путешествует шаман, местообитание духов и душ мёртвых, также мир сна в целом идентичны. Пространство сновидений – не является индивидуальным пространством, но может быть охарактеризовано как общее.

Значимость сновидений в традиционных сообществах детерминирована социальным статусом сновидца, поскольку предполагалось, что жизненно важные для социума послания должны получать руководители сообщества или специалисты по взаимодействию между мирами (шаманы, жрецы, святые). Для исторических культур древности автором выделяется особая категория «царских снов».

Опираясь на этнографические материалы, автор выявляет культурную модель возникновения, бытования и трансформации сновидений в традиционных сообществах. В диссертации доказывается, что сообщения о сновидениях представителей традиционных сообществ следуют устойчивым схемам сюжетов и образов, предписанным в данном сообществе. Такие сновидения возникают в определённых жизненных ситуациях, на чётко фиксированных стадиях половозрастного развития, при прохождении этапов овладения профессиональны-

ми навыками. Характерная черта этих сновидений - стабильность и сериальность, что позволяет сделать их предметом культурологического исследования.

Согласно автору, стабильные образы снов и устойчивая линейная временная динамика сновидений носителей традиционного мировоззрения носят не психологический, а культурный характер, обусловленный изначально заданными установками культуры, которыми детерминированы её носители.

Анализ сновидений представителей традиционных сообществ, позволяет автору предложить следующую схему культурной обработки сновидений в данных сообществах.

1. Первоначальная обработка образов снов происходит тогда, когда сновидец, пытаясь вспомнить и понять образы сна, соединяет элементы памяти о сне в связную структуру. Наиболее значимые, с точки зрения носителя определённой «сновидческой традиции», образы выделяются, а не представляющие интереса - отбрасываются. Следующим этапом этой стадии обработки является создание связной истории из отобранных и приведённых в элементарные логически связанные блоки образов.

2. Вторичная обработка сновидения происходит при его рассказывании, поскольку сообщение о сне следует принятым в данном культурном окружении нормам, что влияет на структуру и содержание рассказа о сновидении. Наиболее важные с социальной точки зрения элементы сновидения будут усилены, а менее значимые приглушены, либо опущены. Содержание рассказа о сновидении будет обусловлено и личностью того, кому адресован рассказ.

3. Следующая обработка - истолкование. Сновидение подвергается анализу с помощью инструментария, разработанного для этого данным культурным сообществом. Процесс истолкования, наделяя сновидение определёнными смыслами, может тем самым менять саму структуру сообщения, которая, при последующем пересказе, будет работать на подтверждение этого истолкования.

4. Дальнейшую обработку проходят сновидения, которые в данном сообществе почитаются наиболее значимыми. Такого рода сновидения рассказывают не только сновидцем, но и пересказывают его слушателями. Именно такие сны наиболее часто фиксируются этнографами. Эти сновидения входят в легенды, эпические сказания, исторические хроники, жития святых. При передаче эти сновидения подвергаются наибольшей схематизации, приобретают стандартизованные структуры, образы и истолкования, окончательно лишаются индивидуальных характеристик, становясь культурным продуктом.

Поскольку в определённых условиях предписано видение стандартных сновидений, то члены данного сообщества заранее готовы увидеть такое сновидение. Тем самым, такого рода значимые сновидения даже на начальной стадии обработки во многом лишаются индивидуальных черт, а припомнение в значительной степени состоит из подведения его под стандартизированные схемы. В итоге мы получаем замкнутую систему, нацеленную на поддержание и сохранении традиции, где сновидение перестаёт быть только индивидуальным психологическим феноменом, и начинает существовать в рамках «культурной модели сновидений».

Автор приходит к выводу, что феномен сна и сновидений выполняет в традиционном сообществе ряд значимых культурных функций. Выделяются следующие основные функции:

1. *Прогностическая функция сновидений*, обусловленная потребностью в прогнозировании будущего (в ситуации невозможности применения рациональных методов) и основанная на приписывании умершим способности знать будущее. Это одна из самых востребованных функций сновидений. В периоды экономической или политической нестабильности, вещим сновидениям политических и религиозных лидеров приписывалось чрезвычайно большое значение. 2. *Инновационная функция сновидений* является следствием того, что в традиционных сообществах структурообразующие элементы культуры сакрализованы, и любое их изменение является нарушением божественных установлений. При изменении исторических условий, апелляция к откровениям, полученным во сне, позволяет легитимно заменить прежние структуры на новые, явленные через сон. Сновидения, выполняя функцию урегулирования внутрикультурных противоречий, нередко являются единственным средством обеспечения психологического и даже физического выживания сообщества. Внедрение культурных новаций – важнейшая из функций сновидений в традиционных сообществах. Использование сновидений как механизма социально приемлемого внедрения новаций может быть признано своеобразным методом саморегуляции консервативных культур. Такой путь внедрения новаций является одним из немногих возможных в традиционном обществе, основа существования которого – связь с предками и поддержание стабильности. 3: *Легитимирующая или сакрализующая функция* основана на архаической связи сновидений с миром предков и миром божеств, благодаря чему сны становятся средством для санкционированного свыше подтверждения подлинности установлений или претензий на обладание властными полномочиями.

Вторая глава «Феномен сна и сновидений в культуре северо-буддийского региона (Тибет, Монголия, Бурятия)» посвящена анализу тибето-буддийской культурной традиции на основании представленных выше теоретических построений. Тибето-буддийская традиция отношения к сновидениям представляет особый интерес, поскольку зафиксирована в большом количестве письменных источников, особенно в агиографической литературе, что значительно облегчает её изучение.

В первом параграфе «Тибетская литература жанра *терма*. Сновидение как механизм внедрения культурных инноваций в традиционном обществе» автором выявляется многочисленная группа тибетских канонических сочинений, происхождение которых возводится к откровениям, полученным в снах, видениях, медитативных переживаниях. По мнению автора, наибольший интерес для раскрытия роли сновидений в тибетской культуре, представляет группа текстов жанра *терма* (тиб. *gter ma*), как наиболее яркий пример тибетской религиозной литературы, указывающей своим источником мистические откровения явленные в снах и видениях.

Терма – клады из текстов и реликвий, скрытые (согласно доктрине тибетской буддийской школы *нингма*) в VIII веке легендарным основоположником буддизма в Тибете Падмасамбхавой. Открыватели кладов - *терма*, действовавшие с XI века и до наших дней получили название *тертонов* (*gter ston*). Внедрение учений *терма*, открытых в снах и видениях, оказало огромное влияние на тибетскую культуру, неоднократно радикально изменяя многие её аспекты.

Как доказывает автор, данный подход не является тибетским нововведением, но представляет собой следование индийским образцам внедрения новаций в религиозную практику. Проверенным временем образцом такого подхода стало движение *махасиддхов* (ок. VIII – XII вв.), оказавшее огромное влияние на изменение буддийской доктрины.

В условиях жесточайшего социально-политического кризиса на Индийском субконтиненте начиная с VII в., буддийские общины были поставлены на грань исчезновения, и единственным выходом являлась структурная трансформация всей религиозной системы буддизма. В этой ситуации *махасиддхи* использовали веру в вещие сны для обоснования легитимности новых учений, возвели их к мистическим откровениям, полученным от божеств в снах и видениях, чем вызвали революционные изменения в буддийской доктрине, ставшие причиной появления нового направления буддизма (*ваджраяна*).

Открытый и сакрализованный индийскими *махасиддхами*, приём легального внедрения новаций в культуру традиционного общества

был заново использован их тибетскими последователями. Важнейшая культурная функция сна и сновидений в условиях консервативной тибетской культуры – использование снов и видений как метода законного, социально-приемлемого привнесения нового в традиционное, сопротивляющееся изменениям общество. Открытие новых учений в снах и видениях стало своеобразным методом саморегуляции декларируемой консервативной тибетской культуры. С XI-XII вв. этот подход к внедрению новаций и подтверждению легитимности доктрины был перенят различными тибетскими школами и кланами, и сновидения стали серьёзным оружием в борьбе за политическое господство и религиозный авторитет.

Внедрение культурных инноваций через сновидения изменило представление последователей тибетского буддизма о потустороннем мире и процессе умирания. В сновидениях открывались исторические сочинения, изменяя представление тибетцев о своей истории. Как явленные в снах вводились медицинские трактаты, новые хореографические традиции и элементы иконографического канона. Многие тибетские религиозные и политические деятели указывали на мистические откровения во снах и видениях как на источник своей реформаторской деятельности.

Как доказывает автор диссертации, наиболее активное внедрение новаций на основании веры в вещие сны, совпадает с критическими периодами тибетской истории, когда актуализируется потребность в модернизации социокультурных структур, и является способом разрешения накопившихся противоречий.

Во втором параграфе «Сновидения в тибетской агиографической литературе» автор приходит к выводу, что обязательным элементом большинства тибетских агиографических сочинений (тиб. དྲଙྡ ནମྚାର) являются включённые в текст жития сновидения героя произведения. Описания сновидений в этих житиях чрезвычайно многочисленны. Иногда сложно понять – произошёл данный эпизод в действительности или во сне, поскольку граница между различными уровнями действительности чётко не определена. Описание внутренней жизни героев во сне в этих агиографиях иногда доминирует над событиями жизни в яви.

Анализ агиографических сочинений, охватывающих всё время существования тибетской житийной литературы (с XII века до наших дней), позволил автору выявить, что основу корпуса описаний сновидений составляют шесть типов снов, что позволяет составить *типологию сновидений в тибетских житийных сочинениях*. Критерием составления предложенной типологической схемы стала распространён-

ность включения определённых сновидений в агиографическое сочинение. Сновидения выделенных типов присутствуют практически в каждом достаточно объёмном произведении исследуемого жанра.

1. *Чудесные сны о рождении будущего святого*. Данная группа сновидений является одной из наиболее распространённых в тибетских житиях. Традиционно, во время беременности мать будущего героя жития видит венций сон, предсказывающий необычайную будущность её ребенка. Сновидения подобного рода являются отражением важнейшей для тибетской культуры веры в теорию перерождения. При поиске нового воплощения почитаемого религиозного деятеля, благоприятные сновидения родителей могли иметь важное значение и стать одной из причин радикального изменения социального статуса ребёнка. В агиографических сочинениях такие сновидения выполняли функцию доказательства изначальной святости героя и указания на преемственность индийской и тибетской традиций святости.

2. *Сновидения во взаимоотношениях «учитель – ученик»*. Культ духовного наставника (санскр. *гуру*, тиб. *лама*) – одна из ключевых характеристик тибетской культуры, благодаря чему тибетский буддизм получил на Западе название «ламаизм». В агиографических сочинениях сновидения, отражающие отношения «учитель–ученик», призваны подчеркнуть значимость этих взаимоотношений и подтвердить сакральность данной связи в конкретной биографии. Помимо этого, сновидения данного типа отражают реальную практику «проверки снаими» новой жизненной ситуации, принятую в тибетской культуре.

3. *Явления божеств в сновидениях*. Эта группа сновидений – самая распространённая в тибетских житиях. Явление в житийных снах божеств призвано стать подтверждением духовных свершений героя жития. Данные сны служат знаком выхода героя *намтара* за пределы обычного человеческого мировидения. Божество, явившееся во сне, могло быть объявлено причиной нововведений героя жития, а значит стать причиной легитимации последних.

4. *Пророческие сновидения*. Способность видеть пророческие сны знаменует собой выход героя жития за рамки обусловленности временем и может быть названа универсальной характеристикой святости. В агиографических сочинениях присутствие пророческих снов носит практически обязательный характер, как доказательство святости героя намтара. Пророческие сновидения тибетских святых считались значимыми для всего социума.

5. *Сон как побуждение к действию*. Сновидения этого типа отмечают зрелый, наиболее деятельный период в жизни героев агиографических сочинений. Данная группа сновидений призвана сакрализовать

новации, внедрённые героем жития, показать их подлинность, подтвердить их происхождение из сакрального источника.

6. **Сны о близкой смерти.** В житиях герои видят вещие сны о скрытой собственной смерти, но чаще ученик получает во сне предсказание о кончине своего учителя. Включение в жития сновидений, предсказывающих смерть, призвано доказать пророческий дар героя. Связь с пространством смерти и, в особенности, способность в определённой степени контролировать это пространство – является маркером причастности к сакральному. Группа сновидений, предсказывающих смерть, – одна из наиболее многочисленных в тибетских агиографиях, наравне со сновидениями, посещающими родителей будущего святого перед его рождением.

Автор отмечает, что сновидения в житиях, подтверждая авторитет религиозных установлений, в специфических тибетских условиях слияния религиозной и политической власти, служили важным инструментом политической борьбы.

В третьем параграфе «Прогностическая функция сновидений. Вещие сны и их толкование в посвящениях *анутара-йога-тантры*» автором анализируется ритуал поиска вещих снов в буддийском тантризме.

Автор констатирует, что широко распространённые в культурах Древнего Востока и Античности методы и ритуалы сознательного поиска пророческих сновидений (инкубация) обнаруживаются и в северобуддийском регионе. Наиболее эффективным методом реализации основополагающих задач буддийской сoterиологии большинство тибетских школ считает систему *анутара-йога-тантры*, благодаря чему в Центральной Азии занимаются преимущественно практикой данной тантрийской системы.

Практика этих тантр предполагает обязательную предварительную инициацию, ритуал посвящения (санскр. *абхишека*, тиб. *dbang*). Структура ритуала и связанная с ним традиция толкования сновидений анализируется преимущественно на основании полевых материалов автора.

После первого, предварительного дня посвящения раздаются стебли *травы куша* – один короткий и один длинный. Длинный стебель следует положить под матрац, параллельно расположению тела спящего. Короткий стебель размещается под подушку, перпендикулярно вытянутому телу спящего. Подчёркивается, что инициируемый должен лечь спать «в позе льва». При этом мужчины лежат на правом боку, а женщины на левом. Колени слегка согнуты, верхняя рука вытянута вдоль тела, ладонь нижней лежит под щекой. Перед погружением в сон

взыскиющему посвящения предписывается молиться о даровании пророческих снов.

Анализ применения травы куша в древнесинийской обрядности, позволяет автору прийти к выводу о связи куша с ритуалами жертвоприношений, погребальной обрядностью и обрядами, направленными на взаимодействие с миром мёртвых, что доказывается им на материале Вед и Упанишад. Делается вывод, что традиция использования подстилки из травы куша для обретения вещих сновидений перед посвящением в систему высших тантр имеет корни в ведическом обряде жертвоприношения и древнесинийской погребальной обрядности. Помимо очевидного уподобления инициации ритуальной смерти, здесь обнаруживается и другой пласт представлений. Поскольку сны приходят из мира мёртвых (мира Ямы), то неофит для получения пророческих сновидений уподобляется возлежащему на погребальном ложе покойнику, чтобы самому отправиться в мир мёртвых – мир сновидений.

Анализируя специфическую телесную позу «спящего льва», предписанную для обретения вещих снов, автор обращается к каноническим индо-буддийским текстам и произведениям искусства, где описывается сюжет «паринирваны Будды». В классическом индийском изображении сюжета паринирваны Будда возлежит на правом боку, подложив под голову согнутую в локте правую руку, вытянув левую руку вдоль тела и слегка подогнув колени. Данная поза является классической позой мужского трупоположения.

Проделанный анализ позволяет автору прийти к выводу, что ритуал обретения вещих сновидений в буддийском тантризме структурно повторяет древнесинийский погребальный обряд. Ритуальное помещение тела взыскиющего вещих снов на траву куша - уподобляется поменению трупа на «жертвенную солому» для его кремации, а «поза льва» уподоблена положению тела умирающего Будды Шакьямуни. Эти типологические параллели доказывают, что на уровне ритуала источником вещих снов полагается мир мёртвых, что отражает древнейшие представления о природе сна. Реликты архаичных представлений о сне в ритуальной практике буддийского тантризма особенно интересны тем, что решительно не согласуются с высокоинтеллектуальной, детально разработанной буддийской теорией природы сна и сновидений, в которой сон и сновидение понимаются как метод самопознания. Реконструированное автором происхождение ритуала обретения пророческих сновидений и его связь с миром мёртвых не осознаётся носителями традиции.

В четвёртом параграфе «Специфика культурной модели сновидений в буддийской культуре монгольских народов (Монголия, Бурятия)» доказывается, что представления о природе сна и сновидений, а также место, занимаемое ими в культуре монгольских народов исповедующих буддизм, в целом обусловлено тибетскими влияниями и может быть признано локальной субтрадицией в рамках единой тибето-буддийской культурной общности.

Это позволяет автору говорить о северо-буддийской культуре сна и сновидения, в которой тибетская форма буддизма является главным структурообразующим элементом. В рамках данной культурной общности фиксируется единство значений и функций, которые сновидения выполняют в культуре региона. Все функции сна и сновидений, выявленные для тибетской культуры, с полным основанием могут быть отнесены и к буддийской культуре монгольских народов.

Вместе с тем, у монгольских народов исповедующих буддизм, обнаруживается специфическая локальная традиция культуры сновидений, существующая в рамках единой северо-буддийской культурной общности. Как специфическое в данной традиции определяется влияние традиций центрально-азиатского шаманизма. Если в тибетской традиции связь культа пророческих снов с культом мёртвых/культом предков фиксируется лишь опосредованно, то в буддийской культуре монгольских народов этот комплекс представлений много очевидней и выявляется через анализ представлений генетически восходящих к родовым культурам и шаманским практикам.

Специфика локальной бурятской буддийской культуры сновидений характеризуется также достаточно высокой степенью влияния на неё русской культуры, исчезновением ряда традиций в советский период, а также влиянием масс-медиа, размывающих комплекс традиционных представлений.

Полевые исследования, проведённые автором на территории Монголии и Республики Бурятия (2009 г.), позволили выявить значение, придаваемое сновидениям в современном монгольском буддизме на уровне повседневных практик. В диссертацию включены материалы полевых исследований, такие как описание ритуала обретения пророческих снов, методы нейтрализации неблагоприятных сновидений, использование сновидений как индикатора воздействия демонических существ, полученные при интервьюировании монгольских лам.

Была исследована структура наиболее популярных хуралов проводимых в дацанах республики Бурятия. Выявлено, что существует ряд хуралов, связанных со сновидениями, с высокой степенью регулярности совершаемых в дацанах Бурятии. Тибето-буддийские ритуальные

практики, связанные с феноменом сна и сновидениями, широко распространены у монгольских народов и по сегодняшний день широко используются в повседневной дацанной обрядности. Социологическое исследование верующих буддистов, проведённое в Республике Бурятия, позволяет прийти к выводу, что представления о неблагоприятных сновидениях оказывают определённое влияние на повседневные практики значительной части буддистов Бурятии. Отчётливо фиксируется расхождение между постулируемыми утверждениями о незначимости снов и их действительным местом в представлениях и повседневных практиках верующих.

В Заключении подводятся итоги исследования, намечены перспективы дальнейшей разработки проблемы.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК РФ:

1. Рабинович, Е. И. Сновидение как механизм модернизации традиционной культуры Тибета / Е. И. Рабинович // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2011. – № 1 (87). – С. 17 – 25. – 0,6 п. л.

Научные статьи и тезисы докладов:

2. Рабинович, Е. И. Пророческие сны о рождении в тибетской житийной литературе / Е. И. Рабинович // Человек в мире культуры: VI Колосницаинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции молодых ученых с международным участием, Екатеринбург, 16 апреля 2009 г. -- Екатеринбург, 2009. – С. 115 – 121. – 0,4 п. л.

3. Рабинович, Е. И. Тибетская литература жанра *терма* как источник обновления традиционной культуры / Е. И. Рабинович // Человек в мире культуры: Сборник научных и научно-методических статей. – Екатеринбург, 2009. – С. 69 – 74. – 0,3 п. л.

4. Рабинович, Е. И. Типология сновидений в тибетской агиографической литературе / Е. И. Рабинович // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества : материалы науч.-практ. конф., Екатеринбург, 25-26 нояб. 2008 г. – Екатеринбург, 2009. – С. 40 – 43. – 0,2 п. л.

5. Рабинович, Е. И. Сновидения в тибетской житийной литературе / Е. И. Рабинович // Всероссийская научно-практическая конференция с элементами научной школы для молодёжи «Философия в диалоге

культур», 14-17 октября 2009 г.: материалы. – Элиста, 2009. – С. 70 – 75. – 0,3 п. л.

6. Рабинович, Е. И. Сновидения как источник сакрализации инновационных изменений в традиционной тибетской культуре / Е. И. Рабинович // Время культуры в региональном пространстве: Сборник научных трудов. – Курган, 2010. – С. 147 – 155. – 0,6 п. л.

7. Рабинович, Е. И. Тибетская литература жанра терма: сновидение как способ культурной саморегуляции / Е. И. Рабинович // Личность. Общество. Государство : материалы регион. студ. науч. конф., 31 окт. 2009 г., Екатеринбург. – Екатеринбург, 2010. – С. 142 – 144. – 0,1 п. л.

8. Рабинович, Е. И. Культ богини Тары в его связи с культом пророческих сновидений в Тибете / Е. И. Рабинович // Материалы научно-практической конференции «Китай: история и современность», Екатеринбург, 11-12 ноября 2009 г. -- Екатеринбург, 2010. – С. 41 – 46. – 0,3 п. л.

9. Рабинович, Е. И. Влияние древнеиндийской погребальной обрядности на ритуал привлечения вещих снов в буддийском тантризме / Е. И. Рабинович // Индия: история и культура. Сборник трудов научной конференции, Екатеринбург, 2 декабря 2009. – Екатеринбург, 2010. – С. 14 – 24. – 1,0 п. л.

10. Рабинович, Е. И. Сновидение в традиционном обществе: возможный культурологический подход к изучению / Е. И. Рабинович // Человек в мире культуры. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. аспирантов, студентов и молодых специалистов с международным участием (в рамках VII Колосницаинских чтений). – Екатеринбург, 2011. – С. 32 – 38. – 0,4 п. л.

Подписано в печать
Формат 60x84 1/16. Усл. пчч. л. 1,4.

Тираж 100 экз. Заказ № 35

Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4